

г. Брянск

ПЕСНЮ СПЕТЬ НЕ ПРОСТО

любите больше всего!

— Наверное, соловья. Когда доживешь до пятидесяти, понимаешь, что все в нас — из детства. Так вот, в детстве наша семья жила в Клинцах, в доме, двор которого был в беспорядке засажен березами. Прямо-таки роща! Дом старый, тихий, и он птиц не пугал. Птицы там были, конечно, разные. Но кто перепоеет соловья?! Вот соловьи в той роще и давали, что называется, дрозда!

— Было такое время, когда Вы вдруг почувствовали, что песня — Ваше призвание!

— Наверное, таким временем можно считать период службы в Прикарпатском военном округе, где я пел в ансамбле песни и пляски. Как-никак — полупрофессионал. Свой репертуар, сцена, аплодисменты... А вообще-то пел я с детства. От сестры заразился. В доме у нас было много грампластинок: Лемешев, Козловский... Я старательно повторял весь их репертуар. Кроме Сергея Яковлевича Лемешева, с которым меня потом связала крепкая дружба и которого я считаю своим учителем, всегда с благодарностью вспоминаю свою учительницу русского языка и литературы Марию Алексеевну Красновскую. Она, хорошо играя сама на фортепьяно, всячески поощряла мои певческие старания.

— Самая памятная аудитория!

— Ну, конечно, солдатская! Строго говоря, свой первый твердый шаг в искусство я сделал из солдатского строя. К слову сказать, служил я в зенитном полку, который

участвовал в освобождении Польши, Чехословакии, воевал в Германии. Свой первый приз — новенькие кирзовые сапоги я, третий номер оружейного расчета, получил именно за исполнение строевой песни.

Никогда не забыть и наше выступление на главной высоте России — Мамаевом кургане, когда в легендарный город на Волге приезжал Леонид Ильич Брежнев. Вскорости после этого мне было присвоено звание народного артиста СССР. А вообще-то каждый концерт — новая аудитория, неумоимо волнение. Волнуюсь действительно, как вы сами видели, всегда, где бы ни выступал.

— Евгений Михайлович, будь у Вас семейный герб, в нем, наверное, очень кстати была бы ветка калины!

— Может быть. Во Франции, например, меня так и прозвали — месье Калинка...

— А когда Вы ее спели впервые!

— Да разве упомнишь? Вот одну «Калинку» в Чехословакии помню. Я пел, подхватили воины, чехи... Но, знаете, «Калинка» — моя самая трудная песня.

— А та, что всегда готов к полету!

— «На солнечной поляночке». В ней, понимаете, весь русский солдат: душевный, игривый, весь такой человеческий.

— Краснознаменный ансамбль, Евгений Беляев—запевала... Это единое целое. А как оно сложилось!

— Трудно складывалось. В Краснознаменный ансамбль меня пригласили и... целый год в него не брали. Почему? Может быть, потому, что я пришел на место Георгия Виноградова. Кто-то хотел, чтобы я был

«под Виноградова». Но однажды я попал на прослушивание к самому Борису Александровичу Александрову, руководившему ансамблем, и моя судьба была решена. Я стал первым исполнителем таких произведений, как «Перед дальней дорогой» Блантера, «Пой, солдат» и «Ой ты, рожь» Долуханяна, «Жизнь моя, любовь моя» Туликова, и многих других.

...Песню спеть не просто. «Счастливая звезда Беляева» — это единение таланта и большого труда. Для его творчества характерен своеобразный синтез русской, европейской академической вокальной школы и традиций русской народной песни. Беляеву присущи естественность исполнения, искренний лиризм, задушевность в сочетании с прекрасной вокальной школой, что позволяет ему одинаково успешно выступать как с таким ансамблем, как Краснознаменный, так и с симфоническим оркестром, оркестром народных инструментов, а в сольных концертах — в сопровождении фортепьяно. Еще одной чертой Евгения Беляева как артиста я бы назвал стремление как можно чаще встречаться со слушателями, петь для людей.

Его называют по-всякому: русский соловей, славянский тенор. Мы к этому с гордостью добавляем, что Евгений Михайлович, запевала ансамбля Советской Армии, — наш земляк. Сегодня ему пятьдесят. Пора творческого расцвета. Мы сердечно желаем ему новых песен, которые запоеет народ, новых радостей в жизни, а себе мы пожелаем новых встреч с Евгением Беляевым!

В. ВЛАДИМИРОВ.
Фото Н. Морозова.

Концерты и концерты. Вечером и днем. Творческие встречи, репетиции. И все-таки мы находим «окно» и буквально удираем в лес.

И сразу все другое: безмерная тишина и зеленая благодать. Синь неба и осторожный

ход облаков. И еще птицы, без которых не чувствуешь тишины.

— Евгений Михайлович, Вы поете о дроздах, о скворцах, о соловьях, которых просите не тревожить усталых от войны солдат. А какую птицу Вы сами